

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2015. Т. 14. С. 67–79

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 30.428.304.9

О Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1889–1937), ученом-эсере из Ленинграда, и ее работах, выполненных в годы ссылки в Ашхабаде

М. Соегов

Академия наук Туркменистана

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с жизнью и деятельностью одного из руководителей партии социалистов-революционеров (эсеров), ученого Надежды Владимировны Брюлловой-Шаскольской (1889–1937), которая в 1920-е гг. находилась в ссылке в Средней Азии. Она проживала поочередно то в Ашхабаде, то в Ташкенте. Как этнолог, занималась наукой, руководила этнографической экспедицией. Ее статьи, выполненные на основе собранных этнографических материалов, опубликованы на страницах местной научной периодики того времени. В качестве приложения приводится текст ее небольшой работы «Родовые деления туркмен», опубликованной в 1927 г. в Ашхабаде.

Ключевые слова: Средняя Азия, туркменская этнология, племенное деление, эсеры, ученый-этнолог, ссылка, репрессии.

Первые сведения о племенном делении огузов-туркмен встречаются в Орхоно-енисейских памятниках (VIII в.), словаре Махмуда Кашгари (XI в.), особенно часто в многочисленных поздних рукописях «Огузнаме», где подробно рассказывается о 24 больших огузо-туркменских племенах, хотя еще в китайских летописях имеется указание на подобное деление (на 24) у хунну – древних предков огузов и других современных тюркских и монгольских народов. Из европейских ученых одним из первых писал о племенном делении туркмен Армений Вамбери (1832–1913), который собрал материалы о иомудах, теке, эрсары (арсары) и др. во время своего рискованного путешествия в страну туркмен, предпринятого им в 1863 г. через Персию. Следует отметить, что туркмены из названных выше трех племен, составляющие теперь основное население Туркменистана, получили свое окончательное формирование после XIII в. при активном участии представителей тюркоязычных этносов, прибывших в Туркменистан и сопредельные страны в составе войск Чингисхана и его наследников, а также вслед за ними.

Изучением этнического состава туркменского народа во второй половине 1920-х гг. начал серьезно заниматься бывший ответственный работник НКВД, в последующем руководитель первых научных учреждений Туркменистана Г. И. Карпов (1890–1947), в исследованиях которого были заложены основы современной туркменской этнологии, хотя для обозначения данной отрасли науки тогда использовался термин «этнография». Ряд своих опубликованных работ Г. И. Карпов подписывал под вымышленным псевдонимом Хошгельди Бахтияров или А. Бахтияров [Söyegov, 2004, с. 24–25].

Во второй половине 1920-х гг. в работу по изучению туркменской этнологии активно включилась историк, этнограф и литератор Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская (1889–1937) (рис. 1). Как видный деятель партии эсеров, она в 1922 г. была арестована и приговорена к трем годам ссылки в Среднюю Азию по обвинению в контрреволюционной деятельности, которая затянулась на целых семь лет [Кан]. Она работала в музеях Полторацка (так в 1919–1927 гг. назывался Ашхабад – столица Туркменской ССР) и Ташкента (столица Узбекской ССР), занималась наукой и вела полевые этнографические исследования. В частности, Н. В. Брюллова-Шаскольская возглавляла в апреле – июне 1926 г. экспедицию в Керкинский округ, организованную Научно-исследовательским институтом, который функционировал при Совнарком (Правительстве) Туркменской ССР. Материалы данной экспедиции были опубликованы на страницах журнала «Новый Восток» в 1927 г. [Брюллова-Шаскольская, 1927]. Жила она то в Ашхабаде, то в Ташкенте.

Поэтесса Черубина де Габриак (Елизавета Ивановна Дмитриева, 1887–1928), также находившаяся в ссылке в Ташкенте, писала в 1928 г. в форме обращения к Н. В. Брюлловой-Шаскольской следующие строки [Дмитриева Елизавета ...]:

Н. В. Ш.

*От детства в нас горело пламя
И вел неумолимый рок.
Но только разными путями
Пришли с тобой мы на Восток.*

*И здесь, в стране воспоминаний,
В песках, таящих кровь земли,
Быть может, у последней грани,
В осеннем меркнущем тумане
С тобой друг друга мы нашли.*

1928, Ташкент

Из материалов интернет-ресурса «Википедия», составленных на основе данных статьи С. А. Кана [2008], а также других работ, ранее опубликованных и затем выложенных в глобальную сеть, известно, что Н. В. Брюллова-Шаскольская родилась 18(30) ноября 1886 г. в Петербурге в дворянской семье Брюлловых. По окончании в 1908 г. историко-филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов по истории религии была послана в заграничную командировку в Гейдельбергский университет (Германия). Ниже несколько подробно остановимся на некоторых других значимых вехах ее жизни и деятельности.

Рис. 1. Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская

Незадолго до отъезда в Германию Н. В. Брюллова вступила в партию социалистов-революционеров (ПСР). В 1909 г. в Штутгарте вышла замуж за приват-доцента Петра Борисовича Шаскольского. В 1913 г. выходит труд «Три книги Пирроновых положений», который она перевела с греческого языка, а также дополнила предисловием и примечаниями [Три книги Пирроновых ... , 1913].

С началом Первой мировой войны, в 1914 г., супруги Шаскольские вернулись в Россию, где Надежда Владимировна преподавала русский язык и литературу в столичной Василеостровской женской гимназии. Она также вела отдел римской истории в Новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где стала автором ряда статей [Брюллова-Шаскольская, 1912, 1913а, 1913б, 1914]. В 1915–1916 гг. успешно сдала три цикла испытаний на диплом 1-й степени Петроградского университета [Кан].

В эсеровской среде Н. В. Брюллова-Шаскольская получила известность как ведущий специалист по национальному вопросу. Она избирается в Северный областной и Петроградский губернские комитеты ПСР и представляет эсеров в бюро Совета национально-социалистических партий. Выступала на страницах партийной печати. Так, в ежедневной газете «Земля и воля» (орган Петроградского областного комитета партии социалистов-революционеров,

выходила с 21 марта по 13 октября 1917 г.) опубликован ее фельетон под названием «Чехи в Австрии» [Политические партии].

Будучи делегатом III съезда ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.), Н. В. Брюллова-Шаскольская выступила в качестве основного докладчика по национальному вопросу. Доклад был отдельно издан [Брюллова-Шаскольская, 1917в]. Выступая на съезде 31 мая 1917 г., она говорила: «Нация есть социальная среда личности... Личность определяет сама себе, к какому национальному комплексу она принадлежит, с кем она чувствует себя более всего связанной... Через понятия личности и народа, через понятия труда и творчества мы переходим к нашему социальному пониманию нации... Буржуазия имеет свое понимание нации. Она исходит из той ложной предпосылки, против которой мы должны бороться всеми силами. Она отождествляет нацию с государством. Когда она говорит о русских интересах – она говорит о государственных интересах. Мы категорически отмежевываемся от буржуазного понятия государства и нации... С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс» [Левонародническая концепция]. III съезд ПСР по докладу Н. В. Брюлловой-Шаскольской принял резолюцию, в которой высказался за введение в России «формы федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в областях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся России» [Эсеры и анархисты].

На IV съезде ПСР (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) Н. В. Брюллова-Шаскольская выступила за реорганизацию партии на федеративных началах и объединение национально-социалистических партий [Брюллова-Шаскольская, 1917а, 1917б].

В связи со смертью мужа в 1918 г., вместе с сыном Валерием и дочерьми Марианной и Тamarой (рис. 2), Н. В. Брюллова-Шаскольская выехала на Украину. В 1919–1920 гг. она преподавала в Харьковском университете в качестве экстраординарного профессора по кафедре истории религии. После занятия Харькова Красной армией вернулась в Петроград, где преподавала историю религии в Географическом институте, Европейском университете, принимала участие в работе Вольной философской ассоциации, Музея антропологии и этнографии. Летом 1920 г. участвовала в работе II Всероссийской конференции Меньшинства ПСР и была избрана в Центральное бюро МПСР.

Во время процесса над эсерами в 1922 г. дело Н. В. Брюлловой-Шаскольской было выделено в особое производство. 25 июля 1922 г. она была арестована и в декабре выслана в административном порядке на три года в Ташкент. В 1923 г. вновь арестована и отправлена в Самарканд, а затем в Полторацк (Ашхабад).

Вернувшись из Средней Азии в Ленинград лишь в конце 1928 г. или начале 1929 г., Н. В. Брюллова-Шаскольская занялась научно-литературной деятельностью, выпустив несколько работ по этнографии и истории. По воспоминаниям младшей дочери Тамары Петровны Шаскольской, в 1931 г. ее мать на-

писала повесть «Дела и дни», в которой, в частности, писала о себе следующее: «Как возникли у меня первые зародыши протеста социального? Учеба и воспитание отгораживали меня от земли семью стенами. У окружающих не было политических идей... Я знала наизусть всех французских королей, но никогда не слышала о рабочем движении. Мост к нему мне пришлось перекинуть самой. Я не знаю, откуда пришли первые, зачаточные, неоформленные, как эмбрионы, мысли о равенстве людей, о несправедливости окружающей меня жизни. Но я знаю, что они пришли давно». И дальше она рассказывает, что с детства стала задумываться, почему у них было восемь комнат, кабинеты и спальни и никому не нужная зала, а три служанки жили в одной комнате близ кухни. «Мечты о справедливости и равенстве людей вливались в меня и с другой стороны, – пишет она, – из религии... Я мечтала: скорее вырасти и стать сельским священником. В деревне я никогда не была, крестьян знала не больше, чем папуасов. Но мне казалось – там страшная бедность и туда надо идти, “раздав имение свое”. Вычеканивалась идея подвига, своеобразно преломленная сквозь легенды о христианских мучениках. Меня высмеяли, сказав, что девочка не может быть священником. Тогда я решила сделаться сельской учительницей. Завязались первые ростки народничества, детские, слабые, путаные» [Брюлловы].

Раз речь зашла о младшей дочери Н. В. Брюлловой-Шаскольской, кратко расскажем о ее старших детях. Сын Валерий Петрович Шаскольский (1910–1948) – геолог, выпускник первого выпуска Среднеазиатского государственного университета (1931), попал в Среднюю Азию еще ребенком в 1922 г., вместе с матерью. С 1931 по 1948 г. работал начальником поискового отряда Мосрифского ГРП треста «Союзмышьяк» в г. Пенджикент Таджикской ССР, разведывал месторождения в Такобе, Каскане, Чашлы и Наугарзане. Был арестован в 1937 г. органами НКВД Киргизской ССР по обвинению во «вредительстве, контрреволюционной агитации и пропаганде». Через 18 месяцев (2 июня 1939 г.) дело в отношении В. П. Шаскольского было прекращено «за отсутствием состава преступления», и он из-под стражи был освобожден. Умер в возрасте 38 лет, заразившись в экспедиции дифтерийной палочкой.

Дочь Шаскольская Марианна Петровна (1913–1983) – физик, доктор наук, окончила Московский государственный университет по специальности «рентгеноструктурный анализ». Всю жизнь занималась исследованием кристаллов. Автор множества научных трудов. Удостоена многих правительственных наград СССР [Шаскольская Марианна ...].

Вернемся к трагичным тридцатым годам. 25 февраля 1933 г. последовал новый арест Н. В. Брюлловой-Шаскольской – теперь по делу «Народнического центра», и новая ссылка в Ташкент на три года. В конце жизни она работала заведующей отделом кочевых народов в Среднеазиатском музее и преподавала в Среднеазиатском финансово-экономическом институте, будучи доцентом на кафедре иностранных языков. 24 апреля 1937 г. вновь арестована и 26 сентября того же года постановлением тройки НКВД приговорена к расстрелу за «проведение контрреволюционной антисоветской агитации и пропаганды». Расстреляна 9 октября 1937 г. в Ташкенте.

Рис. 2. Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская со старшими детьми – сыном Валерием и дочерью Марианной

По уголовному делу 1937 г. Н. В. Брюллова-Шаскольская была реабилитирована спустя 20 лет, в 1957 г., а по делу 1933 г. еще позже – в 1989 г. Но вернемся ко второй половине 1920-х гг., а именно к ашхабадскому периоду жизни политической жертвы режима – этого замечательного этнолога-ученого и просто красивой женщины.

Наряду с уже упомянутой выше работой «На Амударье: этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР», в 1927 г. публикуются еще два труда, посвященных племенному и родовому составу туркмен [Брюллова-Шаскольская, 1927б, 1927в]. Годом позже выходит статья «Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен» [1928], собранные сведения в которой находят подтверждение в позднейших исследованиях. Так, Н. А. Кисляков в своей монографии по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана [Кисляков, 1969], ссылаясь на указанную статью, утверждает, что родовой экзогамии (запрет браков внутри рода) у туркмен не сохранилось, несмотря на то что родоплеменное деление у них, пожалуй, выражено было вплоть до недавнего времени гораздо более четко, чем у других народов Средней Азии и Казахстана, и несмотря также на то, что племена (в том значении слова, которое ему придавали европейские исследователи) сохраняли строгую эндогамию. «Н. В. Брюллова-Шаскольская говорит, что экзогамии как таковой у туркмен не наблюдается. Племена строго эндогамны и не всту-

пают в брак между собой; конечно, это не противоречило бы, прибавляет она, экзогамии мелких колен и подколен, но пока следы этого не обнаружены» [Кисляков, 1969, с. 25].

Если подытожить предпринятый нами краткий экскурс в историю изучения родоплеменного деления туркмен, которое возобновилось в XX в. работами Г. И. Карпова и Н. В. Брюлловой-Шаскольской, следует отметить, что в последующие годы, особенно после создания Туркменского филиала АН СССР (1941 г.) и Академии наук Туркменской ССР (1951 г.) и функционирования в их составе специального института и его структурных подразделений по истории и этнографии, данное направление научных знаний получило свое дальнейшее развитие. Итоговым трудом можно считать защищенную в 1990 г. докторскую диссертацию С. Атанязова (1934–2004) «Этнонимы в туркменском языке», а также его изданные работы по теме диссертации, в которых в той или иной степени полноты проанализирована имеющаяся обширная литература [Атанязов, 1988, 1990, 1994]. В своем словаре 1988 г. автор использовал неизданную рукопись Н. В. Брюлловой-Шаскольской, выполненную под названием «На обломках погибших культур. Очерк по истории Туркмении» [Атанязов, 1988, с. 171]. В будущем следует обязательно издать эту работу.

Примечательно то, что Н. В. Брюллоva-Шаскольская, находясь в 1924–1925 гг. в Полторацке (Ашхабаде) и Ташкенте, стала свидетелем провозглашения Туркменской ССР и Узбекской ССР – новых государственных образований туркменского и узбекского народов. По существу, эти события означали начало реализации программы ПСР по национальному вопросу, а не первоначальных намерений большевиков-коммунистов (вспомним хотя бы тезисы И. В. Сталина «Об автономизации»).

В конце хотелось бы остановиться еще на одном немаловажном факте. По нашему мнению, успешность работ Н. В. Брюлловой-Шаскольской в Туркменистане во многом была связана с тем, что Туркменский НИИ, по заданию которого она возглавила этнографическую экспедицию в Керкинский округ, функционировал, как уже отмечалось, при Совете народных комиссаров Туркменской ССР, а председателем СНК (Правительства) был Кайгысыз Сердарович Атабаев (1887–1938), который в свое время сотрудничал с первым эсеро-большевистским правительством Закаспийской (Туркменской) области и в 1918 г. был членом левого крыла ПСР. С 1919 г. К. С. Атабаев – уже член РКП(б). Скорее всего, он сохранил симпатию к своим бывшим товарищам по ПСР. Это – во-первых.

Во-вторых, К. С. Атабаев лично руководил работой по организации деятельности ленинградских ученых АН СССР в части выявления природных богатств, потенциальных внутренних ресурсов и имеющихся возможностей для будущего экономического и социального развития Туркменистана, и с этой целью он часто бывал в Ленинграде, встречался с учеными-специалистами, прибывшими в республику. Он давал поручения своим непосредственным подчиненным и руководителям исполкомов местных советов

незамедлительно решать проблемы, возникающие в деле организации деятельности прибывших ученых на местах в условиях двадцатых годов. Результатом стал выход в 1929 г. ряда сборников под общим названием «Туркмения», первый выпуск которых содержит статьи ведущих ученых того времени [Бартольд, 1929; Берг, 1929; Самойлович, 1929; и др.].

В-третьих, К. С. Атабаев как мужчина предпочтение отдавал не туркменкам, а европейкам и, возможно, испытывал симпатию к Брюлловой-Шаскольской. Русскоязычные сослуживцы величали его официально Константином Сергеевичем, а для близких женщин он был просто Костя. Хотя К. С. Атабаев был арестован летом 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной националистической террористической организации (приговорен 8 февраля 1938 г. к высшей мере наказания, расстрелян 10 февраля 1938 г., реабилитирован 22 декабря 1956 г.), в первичной «обвинительной записке» НКВД наверняка присутствовали страницы, рассказывающие, как он, бывший эсер, «морально разлагался в личной жизни».

Конечно, последний, третий из этих наших пунктов по сравнению с первым и вторым выглядит менее убедительным, маловероятным. Но, может быть, они в свое время не исключали, а дополняли друг друга.

Вернемся к научным работам Н. В. Брюлловой-Шаскольской непосредственно в области туркменоведения. В качестве приложения к настоящей работе хотелось бы использовать ее доклад «Родовые деления туркмен», прочитанный в научном обществе Туркменистана и опубликованный в газете «Туркменская искра» от 7 марта 1927 г. [Брюллова-Шаскольская, 1927в]. Автор представлена читателям газеты как «проф. Н. Брюллова-Шаскольская». Работы лиц с ученым званием профессора в туркменской печати того периода появлялись крайне редко, ибо первые высшие учебные заведения в республике открылись в начале 1930-х гг., а ученые-туркмены, удостоенные степени доктора наук и звания профессора, появились лишь в конце 1940-х гг.

Все особенности текста доклада мы постарались оставить без изменений, за исключением названий некоторых туркменских племен и родов, а также нескольких топонимов и антропонимов, в написании которых мы исходили из сложившихся традиций их современной орфографии. Доклад был подготовлен автором на основе первичных предварительных полевых материалов без их глубокого анализа, не говоря уж о привлечении к исследованию исторических данных, содержащихся в работах восточных авторов. Так, например, уже в 1930 г. тот же Г. И. Карпов в своей небольшой статье, посвященной этногенезу туркмен-оламов (аланов), выдвинул более обоснованную гипотезу [Соегов, 2011, с. 317–329], резко отличавшуюся от взглядов Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Тем не менее ее доклад, представляя собой один из первых образцов научных работ приезжих ученых по этой тематике, вызывает не только исторический интерес, но и содержит определенную научную ценность.

Проф. Н. Брюллова-Шаскольская
Родовые деления туркмен
(доклад, прочитанный в научном обществе Туркменистана)

Интерес к родовому быту и родовым делениям туркменских племен возник уже давно. С одной стороны, изучение родового строя, одной из древнейших форм человеческого общества, у народа, сохранившего его до наших дней в живой действительности – представляет огромный научный интерес. С другой стороны – практическому деятелю на почве Туркмении постоянно приходится сталкиваться с элементами родового быта и со значением родовых делений, и понятно поэтому, что в различных ведомостях не раз уже возникла необходимость в установлении, по возможности, точных родовых и подродовых делений туркмен.

В 1925 г. вышла работа тов. Г. Карпова «Племенной и родовой состав туркмен», содержащая, кроме небольшого текста, схематические таблицы родов с их мелкими делениями. В том же году при демографической переписи ЦСУ ТССР в округах Ташаузском, Чарджуйском и Керкинском на этот вопрос было обращено большое внимание: при каждой регистрируемой единице записывалось: племя, род, колено и подколени. Материал этот был разработан и исправлен особой комиссией ЦСУ в составе К. М. Роецкого, Р. П. Юрханяна, Н. В. Брюлловой-Шаскольской и О. Э. Визеля. В 1926 г. большой материал по Керкинскому округу привезен этнографической экспедицией Туркменского научно-исследовательского института, работавшей под руководством Н. В. Брюлловой-Шаскольской.

Таким образом, в данный момент наиболее разработан интересующий нас вопрос по району Аму-Дарьи и почти еще не изучены остальные округа. О них имеются данные только в ценной, но далеко не полной еще, работе Карпова. Результаты же амударьинских исследований напечатаны как приложение к инструкции по Всесоюзной переписи ЦСУ ТССР.

То, что мне сейчас хочется предложить вниманию всех заинтересованных кругов, отнюдь не может претендовать на значение окончательных выводов. Тем не менее, в процессе совместной с О. Э. Визелем кропотливой работы над выяснением принадлежности к тому или иному делению самых мелких подколен, нам пришлось натолкнуться на ряд таких интересных выводов, что перед нами встала новая возможность: восстановить хотя бы частично, при помощи статистических данных о родовых делениях, историю туркменского народа.

Об истории расселения и передвижения туркмен у нас, как известно, путем сочетания отдельных указаний средневековых исторических источников, памятников туркменской поэзии, данных лингвистики и антропологии, мы можем установить, что туркмены (огузы) появились в нынешнем Туркменистане в VI в. и прочно осели в нем и в пограничных местностях в IX–X вв. В лице своей сельджукской ветви туркмены сыграли большую роль в судьбах Передней Азии; выясняется также, что они имели большое значение и влияние в монгольском государстве, особенно в чагатайскую эпоху. Но со времени узбекского завоевания (XVI в.) мы почти не знаем о судьбах туркмен и Туркменистана; письменные исторические источники того периода почти сводятся к полуполюгендарной истории Абуль-Гази (XVII в.).

В данный момент туркмены разделяются на несколько крупных племен: иомуды, теке, сарыкы, салыры, эрсары и гёклены, четко ограничивающие себя друг от друга и не брачующиеся между собой. Но наряду с этим существует очень много мелких племен, или живущих компактно в одном месте, или разбросанных среди других племен. Оставляя в стороне западные области, где родовая перепись не было в результате разработки Всесоюзной переписи 1926 г., обратимся к амударьинским туркменам.

Первое, что бросается в глаза, это характер расселения: на севере, в Ташаузском округе, живут разные мелкие племена – човдур, карадашлы, емрели и крупные роды, которые считают себя частью иомудов – салах, окуз, ушак и орсукчы. Из них особенно интересны окуз, сохранившие название туркменского народа вообще («огузы» или «гузы»). Это дает нам первую мысль о том, что именно иомуды сохранили в себе крупнейшие туркменские элементы. Все эти четыре рода производят себя от мифического родоначальника Утлы-темира или Байрам-шалы.

Рядом с ними живут несколько мелких колен иомудских главных родов Шоны-атабай и Шериф-джафарбай, а именно: бага, машрык, бехелке, карравы и коджук. Но и самостоятельные племена, в жизни редко отделяющие себя от иомудов, производят себя от иомудских мифических

родоначальников. Племя емрели называет себя еще карравы. И тут мы находим подтверждение иомудской связи: карровы – колено джафарбайского рода. Очевидно, они оторвались, развились в целое племя, приобрели новое имя, но не забыли и старого.

Таким образом, судя по преданиям населения, все самостоятельные племена Ташаузского округа сводятся в происхождении своем опять-таки к иомудам.

Подымаемся к югу по Аму-Дарье. Чарджуйский округ очень пестр по составу, и в каждом кишлаке живут большей частью по несколько семейств каждого рода или даже племени. Чем дальше к югу, тем состав однороднее. На севере Чарджуйского округа, особенно в Дейнауском районе, мы видим племена арабачей, которые встречаются в Хиве, т. е. еще севернее, агар и как-то связанных с ними каркын, и, наконец, баят; все эти группы немногочисленны (от 0,9 % до 3,7 % всего населения); происхождение их пока темно, но интересно, что, по сведениям, сообщенным мне тов. Кульмухаммедовым, баят живут еще в Сирии – Месопотамии; возможно потому, что это остатки сельджуков.

К югу, в Керкинском округе, мы встречаем из этих мелких племен только каргачы, основной же массой населения в Чарджойском округе являются салыры и эрсары (приблизительно поровну: 17,14 % салыров и 27,93 % эрсары). В Керкинском же округе живут почти одни эрсары, а салыры занимают лишь несколько кишлаков на самом севере, в Ходжамбазском районе.

Картина ясна. Большие волны туркмен двигались вверх по Аму-Дарье; часть оседала, часть продолжала путь, количество их все уменьшалось, и, таким образом, состав населения стал на юге почти однородным. Иомуды и связывающие себя с ними племена остановились на севере. Арабачи, агар, баят остались на чарджуйских торговых путях. До юга докатились одни эрсары; причем два их рода: кара и бекевул – осели в Чарджойском округе, а другие два – улудепе и гунеш – заняли Керкинский.

Когда и почему происходило это великое туркменское переселение? Легенды всех амударьинских племен единогласно говорят о том, что эти племена жили когда-то на Мангышлаке. С другой стороны, все они рассказывают о борьбе, которую переселяющимся племенам пришлось выдержать с Персией; Эр Сары («рыжий храбрец»), родоначальник эрсары, по преданию, погиб в Персии. Но с 1747 г. южной границей амударьинских туркмен уже не была Персия; образовался независимый Афганистан. Значит, эти легенды сложились раньше. Итак, мы можем, комбинируя данные легенд и статистическо-этнографические изучения племенного расселения, сделать важный исторический вывод.

В первой половине XVIII в. туркмены, жившие на Мангышлаке, в результате, вероятно, войны с соседями – киргизами (казахами. – М. С.), двинулись по направлению к Аму-Дарье и, подымаясь по его течению, заселили ее до Келифа. Характер племенного и родового расселения мы уже выяснили. С этим сходятся и предания племени курама-олам, жившего на севере Керкинского округа. Они единственно говорят о том, что переселились сюда «семь поколений тому назад». Но кто же сами оламы? Соседи-эрсары презрительно называют их «курама» – сброд, смесь, и говорят, что их родоначальники – незаконные дети наложниц («кырнак») Эр Сары-бая. Сами же они считают себя ветвью опять-таки иомудов. Эта иомудская версия находит замечательное подтверждение в тех же данных современного родового состава; джафарбайское (иомудское) колено коджук в Ташаузском округе делится на три подколена: датрык, ак-датрык и курама. Очевидно, что это подколени оторвалось, докатилось до Керкинского округа и там разрослось в целое племя. Как мы уже видели на примере карравы, если это и курама в смысле «смеси», то все-таки иомудская курама!

Но отсюда мы можем, хотя еще гипотетично, сделать вывод, что все амударьинские туркмены, ныне разбитые на совершенно отдельные племена, – в основе своей иомуды. Весьма вероятно, что это же надо сказать и об эрсары. При внимательном анализе их мелких подразделений, мы видим много названий, общих с иомудами. Таковы, например, кер, шейтан, векиль, горгоор, гызыл. Но это отождествление должно еще получить новые подтверждения. Что касается до салыров, которые известны уже старым арабским писателям, то они, вероятно, пришли на Аму другим путем, хотя и с Мангышлака. Они кочевали близ Мерва и Серакса, боролись с теке и частично переселились на Аму; там они заняли густой массой торговые пути близ Чарджуя и Дейнауский район, и небольшими группами север Керкинского округа. Амударьинские салыры хорошо знают свое родство с серахскими и ездят к ним на свадьбу. Однако представляется довольно соблазнительной гипотезой, что первоначально туркмены были

разделены, как многие живущие родовым бытом народы, на две половины – салыров и иомудов; остальные племена развились из их подразделений. Но, конечно, пока у нас еще нет родовой переписи и этнографического обследования теке и гёклен, мы можем только высказать предположение, но не окончательный вывод. Что же касается сарык, то они явно то же, что сары – первоначальное название Эр Сары, или эрсары, и легенды, путающие их, это подтверждают. Живя сейчас в районе Таш-Кепри (конкретнее: в районах Иолотана и Тахта-Базара. – М. С.), они являются и ближайшими соседями эрсары.

Разбор племенного состава даст очень интересные данные и о роли священных племен «зуляд». Эти группы – ших, ходжа, ата, сеид, являются, с одной стороны, племенами (вероятно, арабского происхождения) со своими подразделениями, с другой стороны – они как бы наследственные религиозные касты, каждый ших, например, хотя бы он был неграмотен и занимался обычным земледельческим трудом, считается ишаном.

В кишлаке Астана-Баба Керкинского района шихи живут плотной массой и заведуют знаменитой святыней. Но везде встречаются по два-три хозяйства ших, вкрапленные в другие племена. Больше того – нередко встречаем мы какие-нибудь мелкие подразделения ших или ата, которые причисляют сами себя к тому племени, среди которого они живут. Если у ата есть колена дангрык и екзы, а в Ташаузском округе дангры считают себя частью колена коджук, или в Керкинском екыс – коленом эрсары, если среди светских племен встречаются также явно «священные» названия, как хыдыр, ходжалы, исламлы, магсым, арунлар (араплар? – М. С.), – то мы приходим к интересному выводу: очевидно, при передвижении на Аму-Дарью к каждой родовой или даже коленной группе как бы прикомандировалось несколько семейств «зуляд», для выполнения священных обязанностей. Естественно, что они постепенно слились.

Еще раз подчеркивая, что для ряда окончательных выводов у нас еще нет достаточно материала, я хотела своей статьей лишь указать, какие богатые исторические и этнографические данные можно почерпнуть из детального изучения родовых подразделений и их схем, таких сухих и скучных на первый взгляд, и что необходимо дать возможность продолжать эти работы.

Список литературы

- Атаниязов С.* Словарь туркменских этнонимов / С. Атаниязов. – Ашхабад : Ылым, 1988. – 180 с.
- Атаниязов С.* Этнонимы в туркменском языке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. Атаниязов. – Ашхабад, 1990.
- Атаниязов С.* Этнонимы в туркменском языке / С. Атаниязов. – Ашхабад : Ылым, 1994. – 228 с.
- Бартольд В. В.* Очерк по истории туркменского народа / В. В. Бартольд // Туркмения. – Л. : АН СССР, 1929. – Т. 1. – С. 3–73.
- Берг Л. С.* История исследования Туркмении / Л. С. Берг // Туркмения. – Л. : АН СССР, 1929. – Т. 1. – С. 73–121.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Веста / Н. В. Брюллова-Шаскольская // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1912. – Т. 10. – Стб. 322–325.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Гаруспиксы / Н. В. Брюллова-Шаскольская // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1913а. – Т. 12. – Стб. 709–711.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Гений / Н. В. Брюллова-Шаскольская // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1913б. – Т. 13. – Стб. 15–17.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Жрецы / Н. В. Брюллова-Шаскольская // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1914. – Т. 17. – Стб. 949–951.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Как жить между собою народам России? / Н. В. Брюллова-Шаскольская. – Пг. : Изд-во Союза солдат-республиканцев, 1917а.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Национальный вопрос на IV съезде / Н. В. Брюллова-Шаскольская // Партийные известия. – 1917б. – № 5. – Стб. 10.
- Брюллова-Шаскольская Н. В.* Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос / Н. В. Брюллова-Шаскольская. – Пг., 1917в. – 31 с.

Брюллова-Шаскольская Н. В. На Амударье: этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР / Н. В. Брюллова-Шаскольская // *Новый Восток*. – 1927а. – № 16–17.

Брюллова-Шаскольская Н. В. Племенной и родовой состав туркмен / Н. В. Брюллова-Шаскольская // *Народное хозяйство Средней Азии*. – 1927б. – № 4. – С. 87–94.

Брюллова-Шаскольская Н. В. Родовые деления туркмен (Доклад, прочитанный в научном обществе Туркменистана) / Н. В. Брюллова-Шаскольская // *Туркменская искра*. – 1927в. – 7 марта.

Брюллова-Шаскольская Н. В. Пережитки древних форм брака у туркмен / Н. В. Брюллова-Шаскольская // *Известия среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы*. – Ташкент, 1928. – Вып. 3. – С. 204–222.

Брюлловы // Возвращенные имена. Книга памяти России [Электронный ресурс]. – URL: http://vizs.nlr.ru/pers_info_dop/dop_info.php?id=220429 (дата обращения 14.10.2015).

Дмитриева Елизавета (Черубина де Габриак) (1887–1928) // Библиотека духовной науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=10706> (дата обращения: 09.10.2015).

Кан С. А. Гражданское мужество ученого: Л. Я. Штернберг после Октября 1917 г. / С. А. Кан // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/01/978--88431-188-6/> (дата обращения: 09.10.2015).

Кан С. А. Н. В. Брюллова-Шаскольская – этнолог, эсер, человек эпохи / С. А. Кан // *Этногр. обозрение*. – 2008. – № 2. – С. 87–105.

Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана / Н. А. Кисляков. – Л.: Наука, 1969. – 241 с.

Левонародническая концепция // Homo politicus [Электронный ресурс]. – URL: <http://homopoliticus.com/new-articles/levonarnodni4eskaya-koncepciya/article/4> (дата обращения 11.10.2015).

Политические партии // Архивы России [Электронный ресурс]. – URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=201&sid=680373> (дата обращения 10.10.2015).

Самойлович А. Н. Очерк по истории туркменской литературы / А. Н. Самойлович // *Туркмения*. – Л.: АН СССР, 1929. – Т. 1. – С. 126–167.

Соегов М. Еще раз о статье, посвященной «исчезнувшим» аланам / М. Соегов // *Türkmen ulmy Galkuny we halkara gatna uklar ýolunda (Ýlmy makalalar ýygundygy – 2011-1)*. – A gabat: Ýlym, 2011. – С. 317–329.

Три книги Пирроновых положений // Секст импирик / пер. с греч.; предисл. и примеч. Н. В. Брюлловой-Шаскольской. – СПб., 1913. – 215 с.

Шаскольская Марианна Петровна // Публичная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: http://publ.lib.ru/archives/sh/shaskol'skaya_Marianna_Petrovna/Shaskol'skaya_M.P..html (дата обращения 20.10.2015).

Эсеры и анархисты на страже «единой и неделимой...»: критические заметки о прочитанном [Электронный ресурс]. – URL: <http://livasprava.nihilist.li/view/2214> (дата обращения 12.10.2015).

Söyegov M. Ho geldi Bahtiyarom takma adı altında / М. Söyegov // *Bulak dergisi. Uluslararası Türkmen Türk Üniversitesi'nin yayın organı. Sayı: 10. – A kabat, 2004. – Sayfa: 24–25.*

Nadezhda Vladimirovna Briullova-Shaskolskaya (1889–1937), the Scientist (Revolutionary Socialist) from Leningrad and her days of the Exile in Ashgabat

M. Soyegov

Abstract. In this article, the questions connected with life and activity of one of heads of party of Revolutionary Socialists, scientist Nadezhda Vladimirovna Briullova-Shaskolskaya (1889–1937) who in the 1920s was in exile in Central Asia are revealed. Before, in 1917 she acted as the basic lecturer at the 3rd congress of the Revolutionary Socialists Party on an ethnic question, and at the 4th congress – on the federal device. During the days of the Exile, she lived in Ashgabat, in Tashkent. As the ethnologist, she pursued science and participated in ethnographic expeditions. She headed in April-June of 1926 the expedition to the Kerki district, organized by the Turkmen Scientific Research Institute. By studying of ethnography of the Turkmen people, that work got the support from the chair of the government of the Republic K. S. Atabaiev. She worked together with G. I. Karpov, A. Gulmuhammedov and some other representatives of local scientific intelligence. Her articles were entitiled «Breeding and patrimonial structure of the Turkmens» (1927), «Vestiges of ancient forms of a family and marriage of the Turkmens» (1928), etc.. Based on the collected ethnographic materials, they have been published on in the local scientific periodical press of that period. The text of her small work «Patrimonial divisions the Turkmens» was published in Ashgabat in 1927.

Keywords: history of Turkmen ethnology, breeding division, the scientist-ethnologist, the Exile, reprisal.

Soyegov Muradgeldi

доктор филологических наук, профессор,
академик, главный научный сотрудник,
Национальный институт рукописей
Академия наук Туркменистана
744000, Туркменистан, г. Ашхабад,
ул. Пушкина, 13-а
e-mail: msoyegov@gmail.com

Soyegov Muradgeldi

Doctor of Science (Philology), Professor,
Academician, Chief Researcher, National
Institute of Manuscripts
Academy of Sciences of Turkmenistan
13-a, Pushkin st., Ashgabat, Turkmenistan,
744000
e-mail: msoyegov@gmail.com